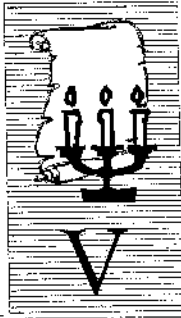


РОССИЯ: БЫЛОЕ И ДУМЫ



ОФИЦЕРЫ ПОД СУДОМ И СЛЕДСТВИЕМ ИЗ ИСТОРИИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РУССКОЙ АРМИИ (1725-1745)

В июньском номере "Кодекс-info" за прошлый год была помещена наша статья, посвященная одной из сторон жизни офицерского корпуса русской армии в 1725-45 гг. В ней мы, в частности, обращали внимание читателей на то, что офицерский корпус был важнейшей ослобленно-профессиональной общностью Российской Империи второй четверти XVIII в. Офицеры не только обеспечивали обороноспособность государства, но и исполняли основной объем дел по гражданскому управлению.

Сегодня мы рассмотрим, как отнеслось государство к преступлениям, совершавшимся офицерами. Данный вопрос представляется особенно интересным, так как офицерство являлось самой привилегированной группой российского общества XVIII в. Во-первых, все офицеры принадлежали к потомственному дворянству (так как присвоение первого офицерского чина автоматически влекло за собой возведение в дворянское достоинство для любого недворянина) и, таким образом, пользовались всеми привилегиями высшего сословия. Во-вторых, офицеры были военными — то есть членами самой важной с точки зрения государства и самой уважаемой обществом профессиональной корпорации. Офицеры пользовались правом владения землей и крепостными, наивысшим средним уровнем государственного денежного содержания, определенными социальными гарантиями (право пенсии, оплачиваемого отпуска для лечения, пособий семье в случае гибели кормильца и т.д.). Государство, вполне отдававшее себе отчет о том значении, которое имеет офицерский корпус, стремилось создать условия, способствующие росту престижа офицерской службы и значимости офицерства в обществе. Поскольку финансовое состояние Рос-

сии в XVIII в. было не лучшим, государство не могло в полной мере задействовать в своей офицерской политике материальный фактор. Офицерское жалование обеспечивало оносный уровень жизни, однако повысить денежное содержание офицеров настолько, чтобы совершенно избавиться их от материальных проблем и, таким образом, возвысить над всеми слоями общества, правительству не имело возможности. Поэтому для поощрения офицерства в 1725-45 гг. активно использовались идеологические и юридические методы. Идеологическая политика заключалась в различных мерах, направленных на то, чтобы укрепить представление о военной службе вообще и офицерской в частности как о наиболее важном и почетном занятии, которое только может избрать для себя россиянин, особенно — дворянин. Юридическое поощрение офицерства выражалось в том, что государство планомерно вводило в действие законодательные акты, предоставлявшие офицерам особые права и привилегии. Офицеры имели льготы в совершении сделок с землей и крепостными, в получении образования, социальном обеспечении и т.д.

В этой связи особенно интересно рассмотреть, как государство относилось к нарушениям закона, допускавшимся офицерами. Это позволит решить вопрос о том, предполагала ли политика юридических льгот безнаказанность офицеров, либо была частью целостного комплекса государственных мероприятий, направленных на создание оптимальных юридических условий офицерской службы, в котором равно действовали и силы поощрения для успешно выполняющих обязанности службы, и силы наказания для пренебрегающих служебным и гражданским долгом.

Производство суда было важнейшей задачей и главным методом осуществления государственной власти в России до конца XVII в. Напомним, что главы государственных учреждений дотетровской России (приказов) назывались "судьями", и это не случайно, так как одной из основных задач, которые им приходилось исполнять лично, было принятие решений по спорным вопросам, в частности — определение виновности подчиненных и вынесение приговоров о наказании. В связи с этим при формировании регулярной армии Петр Великий обратил самое пристальное внимание на создание в ней судебных органов. Уже в первое десятилетие XVIII в. в армейских полках введена должность аудитора, задачей которого было осуществление суда и следствия. В многочисленных уставных документах 1698-1715 гг. значительную часть содержания составляли нормы военно-судебного права.

В 1716 г. введен в действие "Устав Воинский", более трети содержания которого составлял кодекс норм о преступлениях и наказаниях за них наказаний¹. С принятием устава военно-судебные органы получили четкое основание для своей работы. Кроме того, уставом была утверждена структура военных органов суда и следствия. Низшим звеном являлись полковые аудиторы. Им надлежало призывать следствие (фергер) по фактам преступлений, совершенных в полку, и в зависимости от тяжести преступления передавать материалы на суд полковнику (по должностным и мелким уголовным преступлениям) или в вышестоящие судебные инстанции. Высшим органом военного суда был Генеральный кригсрехт, располагавшийся с 1717 г. в Петербурге. При формировании крупных армий Генеральный

кригсрехт выделял из своего состава полковую кригсрехт — полномочную судебную комиссию, которая поступала в состав штаба армии и во время похода оперативно решала судебные дела на месте.

В 1710-х гг. был создан орган надзора за судом: введен институт военных фискалов. По одному фискалу имелось в каждом полку, при каждом полевом штабе и в каждом суде. Фискалы осуществляли всесторонний тайный надзор, в частности — за судопроизводством. О выявленных нарушениях они обязаны были докладывать непосредственно в высший государственный орган России — Сенат.

После окончания Северной войны военные судебные и следственные органы были окончательно сформированы в том виде, в каком существовали до конца века. Высшим военным судебным органом стал петербургский генеральный кригсрехт, в подчинении которого находились территориальные кригсрехты — московский, рижский, киевский, смоленский, астраханский и сибирский. Во время войны территориальный военный суд, находившийся ближе других к театру военных действий, преобразовывался в полевой кригсрехт, поступал под начальство командующего армией и выступал в поход.

Кригсрехты осуществляли только суд. Обязанности по ведению следствия были возложены на аудиторов. Для улучшения работы следственных органов управление ими было централизовано. В 1723 г. окончательно оформилась генерал-аудиторская экспедиция Военной коллегии. Во главе экспедиции стоял генерал-аудитор (в ранге генерал-майора). Экспедиция ведала назначением полковых аудиторов и контролировала их работу. Кроме того, при каждом территориальном кригсрехте было создано территориальное аудиторское повье, которое принимало дела у полковых аудиторов, завершало следствие по ним и представляло суду. Собственно генерал-аудиторская экспедиция играла роль высшего следственного органа: контролировала работу всех низших аудиторских инстанций, а также проводила следствие по делам, разбиравшимся петербургским генеральным кригсрехтом. Кроме того, генерал-аудиторская экспедиция и территориальные аудиторские повья принимали жалобы у военных, а также жалобы гражданского населения на военных, проводили следствие по поступившим жалобам и, в случае необходимости, возбуждая судебное дело, передавали его на рассмотрение кригсрехта².

Надзора за работой военно-судебных органов практически не было, т.к. институт фискалов в 1725-35 гг. стал

постепенно отмирать и в 1738 г. был окончательно упразднен.

Описанная система военных судебных и следственных органов не всегда функционировала совершенно четко. Так, аудиторские повья имели право самостоятельно выносить приговоры по ряду дел в тех случаях, когда не было возможности передать материалы в кригсрехт. Для расследования некоторых преступлений время от времени создавались специальные следственные комиссии из строевых офицеров (чаще всего это делалось в тех случаях, когда не было возможности поручить расследование аудиторам или когда существовали подозрения о причастности аудиторов к совершению преступлений). В полевой армии во время войны могли создаваться особые судебные комиссии из генералов и полковников. Такие комиссии чаще всего рассматривали дела о военных преступлениях. Их решения не подлежали никакому обжалованию и могли быть изменены или отменены только лично императрицей. Хотя Уставом Воинским не предусматривалось разделение преступлений по типам и по степени правонарушения, совершенные военными, подлежали рассмотрению в военном суде, дела о преступлениях государственных (главным образом, "произнесение слов", порочащих особу монарха), религиозных (богохульство, выход из православия) и семейных (блуд, прелюбодеяние, дела о разводах) с середины 1720-х гг. стали рассматриваться специальными органами: Тайной канцелярией (государственные преступления) и Синодом (религиозные и семейные), которые проводили также и весь объем следственных мероприятий. Наконец, во время ведения военных действий (в непосредственной близости неприятеля), а также в

случае возникновения волнений в войсках генералы и полковники имели право самостоятельно принимать судебные решения (вплоть до смертной казни) и тут же на месте приводить их в исполнение.

Такова была система военных судебных и следственных органов в 1725-45 гг. Теперь рассмотрим, как она действовала в отношении офицеров, совершавших преступления и правонарушения.

Для этого воспользуемся двумя основными массивами источников: личными учетными документами офицеров (т.н. "офицерскими скасками") и "смотровыми списками" и сохранившимися судебными делами. Первый отдел источников позволяет решить вопрос о том, какая часть офицеров армии совершила преступления и какие (т.к. в учетных документах особым пунктом отмечалось, состоял ли офицер в течение своей службы под судом и следствием), второй — рассмотреть ряд судебных дел в подробностях. В нашем распоряжении имеются личные учетные документы для 70% офицеров, служивших в армии во второй четверти XVIII в., и около 35% судебных дел, веденных в 1725-45 гг. Напомним, что в сфере нашего внимания находится только офицерский корпус армии, т.е. полевых, гарнизонных и ландмилиционных войск (на учеты офицеры гвардии, флота, артиллерии и инженерных войск).

В 1725-45 гг. в русской армии служило всего около 7500 офицеров. Из этого числа под судом и следствием за 20 лет подало 278 человек, то есть около 4%. 36 из них были оправданы. Остальные понесли те или иные наказания. 38 офицеров были судимы дважды, 9 — трижды, 2 — четырежды. Количество офицеров, судимых за каждый год с 1726 по 1745, показано в таблице 1.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО ОФИЦЕРОВ,
НАХОДИВШИХСЯ ПОД СУДОМ И СЛЕДСТВИЕМ
В 1725-1745 ГГ.

Год	Количество находившихся под судом и следствием, чел.	Год	Количество находившихся под судом и следствием, чел.
1725	6	1736	21
1726	11	1737	27
1727	10	1738	29
1728	14	1739	25
1729	11	1740	32
1730	14	1741	17
1731	5	1742	19
1732	16	1743	2
1733	15	1744	6
1734	21	1745	7
1735	19	ИТОГО	327 ^а

¹ Подробнее о системе военных судебно-следственных органов и военных законов см. Бобровский П.О. Военное право России при Петре Великом. Ч. 1 (вып. 1-2). Ч. 2 (вып. 1-3). СПб., 1882-82.

² Учитывая имевших по несколько судимостей 1 раз за каждый случай нахождения под судом.

таким виде провозили поезд фронтом всей дивизии и отправили в Азов в ссылку на 3 года¹. Однако смертная казнь, пожизненная каторга или ссылка и изуродование (вырывание ноздрей, языка, отрубание рук), широко практиковались за данные преступления в петровское время, после начала 1730-х гг. не применялись.

Существовал, правда, род должностных преступлений, за которые суд строго караул офицеров как в петровское время, так и в последующее двадцатилетие. Речь идет об исползовании офицерами солдатского труда в собственных интересах. Офицеры-помещики нередко направляли подчиненных им солдат для работы в собственные поместья или за определенную мзду "сдавали солдат в аренду" различным подрядчикам, в основном – для выполнения строительных работ. В 1725-45 гг. за поддельные преступления было осуждено 22 офицера, и все они были либо разжалованы в нижние чины на срок не менее 3 лет или бесечно и сосланы, либо отправлены на каторгу на 5-10 лет. Впрочем, дела об исползовании солдат были одними из самых сложных в расследовании. Проблема заключалась в том, что солдатам официально разрешалось в свободное от служебных обязанностей время подражаться на поденную работу. Организованные в артели, возглавляемые wybranыми из собственной среды старостами солдаты нередко подражались на сезонные полевые работы, чаще же – на строительство, порубку леса и т.п. Подрядчики и помещики весьма охотно нанимали солдат, так как, хотя артели требовали обыкновенно плату большую, чем волонтерные рабочие, трудились солдаты быстро, качественно и дисциплинированно.

Здесь и имелась почва для злоупотреблений. Офицер-помещик мог нанять одну или несколько солдатских артелей из своего полка для производства тех или иных работ в своем поместье и по окончании работ заплатить заранее оговоренную сумму. Однако, пользуясь своей властью над нижними чинами, офицер мог и заставить их исполнить те или иные работы без всякой платы. Аналогично обстояло дело с работой солдат на подрядчиков: артель могла действительно наняться на работу, но могло быть и так, что офицер, получив у подрядчика определенную сумму (обыкновенно меньшую, чем та, которую подрядчик заплатил бы при найме солдат), приказывал солдатам выполнить оговоренную работу без всякого вознаграждения.

Суды, разбиравшие дела о солдатских работах, должны были установить факт принуждения. Сделать это было не просто, так как те офицеры, которые принуждали солдат к работам, нередко заставляли артельных старост документально оформить эти работы как работы по подряду. С другой стороны, сами солдаты, направленные офицером в поместье или на охотские работы, нередко не были заинтересованы в том, чтобы офицер понес за это наказание, так как, хотя они и не получали денег за свою работу, условия жизни в офицерском поместье или у подрядчика подчас были значительно лучше, чем при полку. Так, в 1738 г. в Рижском кригсгерте разбиралось дело майора Пяроновского полка Ревельского гарнизона Йохима фон Фрунзена, обвинявшегося в том, что он в течение 4 лет каждое лето отправлял в свои мызы на время сева, сноскоса и уборки урожая от 40 до 78 солдат своего полка. Отлучки солдат от своей части, места их нахождения и то, чем они занимались было доказано неоспоримо. Однако фон Фрунзен заявил, что нанимал солдат работать за плату. Документы о передаче денег от капитана в артельную кассу были в исправности, сами солдаты подтверждали, что работали по подряду и получали заслуженное вознаграждение. На этом дело могло бы и закончилось, если бы к нему не имел персонального интереса губернатор Эстляндии барон Э. фон Левендаль². Левендаль потребовал дополнительного расследования и добился, чтобы к нему был привлечен опытный аудитор штаба эстляндского губернатора Гурий Новиков. Следствие обратило внимание на то, что в артельной кассе, куда по документам фон Фрунзен за 4 года перечислил в оплату солдатского труда 715 рублей 53 копейки, нет ни наличных денег, ни сведений об их расходовании. Солдаты дали показания, что разделили эти деньги и растратили их на "всякого во одной артели состоящего особливые его мелкие нужды". Следствие сочло последние показания ложными, так как, во-первых, деньги, которые артель зарабатывала в других местах, при расходовании аккуратно учитывались в документах (даже при раздаче на руки членам артели для личных расходов), а во-вторых, следствие не нашло ответ "на колкие такие партикулярные неудобности толь великия денги расходованы быть могли, что с таго даходу повсякогодю из оных солдат каждому по одному рублю с полтиною и по дв и по три и более присчитываеца". Аудитор Новиков

добыл обвинения нескольких солдат в лжесвидетельстве, арестовал их и допросил с угрозой применения пыток. Тогда артельный староста и несколько рядовых показали, что "при его, капитана фон Фрунзена, мызах работали без подряду", но тут же сделали оговорку, что не брали платы с помещика "полюбовно", так как "во всем от него, капитана фон Фрунзена, имели изрядное удовлетворение и стол весьма добрый и мясо по вся дни, кроме постных, и вино ж и пиво ж по вся дни, и квартиры самые пристойные при добрых крестьянских дворах". Солдаты заявили, что были рады отлучаться от полка на работы к своему капитану, так как "при его... мызах противу квартирному полковому житию гораздо покойно и сытно жили". Охотно принимали солдат и местные крестьяне, пятеро из которых выдали своих дочерей замуж за сезонных работников фон Фрунзена. Дав показания, все солдаты заявили, что "извету и жалобы и челобитья ж на какие обиды и пригнесения от него, капитана фон Фрунзена, приносить не желают и вины его, капитана фон Фрунзена, к себе ни кой не имеют". Это не помогло фон Фрунзену: суд признал его виновным в незаконном использовании солдатского труда, приговорил к разжалованию в сержанты и ссылке в сибирскую ландмилицию на 5 лет. Кроме того, на фон Фрунзена был наложен штраф в 100 рублей и обязательство выплатить в артельную кассу 350 рублей в оплату солдатского труда³.

Теперь систематизируем имеющиеся сведения о наказаниях, понесенных офицерами. Сделать это не так просто, т.к. особенно много приговоров XVIII в. было то, что на приговоренного обыкновенно налагали сразу несколько наказаний. Даже в случае вынесения смертного приговора суд чаще всего не довольствовался одной мерой наказания. Перед казнью виновный мог быть подвергнут шельмованию, конфискации имущества. Наказание разжалованием или понижением в чине почти всегда сопровождалось денежным штрафом или временным лишением жалования. Отправлению на каторгу часто предшествовало шельмование, нередко – конфискации имущества, а иногда и телесное наказание. Ссылка обычно сопровождалась разжалованием или понижением в чине и денежным высыланием.

В таблице 2 помещены сведения только об одном из понесенных каждым осужденным наказаниям – том, которое рассматривалось судом как главное.

Вид наказания	Смертная казнь	Каторга	Ссылка	Разжалование в нижние чины	Понижение офицерского чина	Денежное высылание	Телесное наказание	ВСЕГО
Всего наказано, чел.	26	33	63	79	49	35	6	291 ¹

Как видим, суд относился к офицерам весьма строго. Сравнительно легким наказанием – денежным высыланием и понижением в офицерском чине – применялись менее чем в 30% случаев вынесения обвинительного приговора. Наиболее распространенными видами наказаний были разжалование в нижние чины (солдаты или унтер-офицеры) и ссылка (почти 50%). К смертной казни или отправлению на каторжные работы было приговорено 20% осужденных.

Приговоренные показателно, однако, не полностью рисуют нам картину наказаний. Рассмотрим их подробнее. В 1725-45 гг. было казнено 26 офицеров (еще 1 приговорен к смерти, но наказание заменено каторгой). Из них 3 – расстреляно, 2 – колесовано, 8 – повешено, 13 – казнено отсечением головы. Казнь аркибузированием (расстрел) применялась только к военным преступникам; колесование – только к уголовным; совершившим особенно жестокие преступления (колесованием казнены вышеупомянутые полковник князь Антоний Мещерский и капитан Семен Северьянов). Повешение применялось только к расхищителям казенного имущества. Отсечение головы было самым распространенным видом каз-

ни и применялось к любым преступлениям. Повешение и колесование рассматривались судом как особая суровая мера наказания. Дело здесь было не в том, что эти казни особенно мучительны, а в том, что они считались особенно позорными. Приговоренный к колесованию князь Антоний Мещерский подавал прошение императрице, в котором просил "помиловать" его – казнить "иначе, а не сим великим позором: срубленьем головы ль, четвереньем ль, пави ж, как хоть малая моя в чем когда была перед милосердною государыней заслуга – аркибузирваньем"². Как видим, осужденный считал "милостью" замену колесования на едва ли менее мучительную казнь четвертованием.

Из казенных смертью только 10 человек не понесли дополнительных наказаний – это все расстрелянные за военные преступления и 2 убийцы, которым отрубили головы. Для остальных 16 казенных смертная казнь сопровождалась конфискацией имущества, а для четверых еще и шельмованием. Шельмование считалось наказанием едва ли не более страшным, чем смертная казнь. Шельмованию были подвергнуты: упомянутые выше маньяк-убийца пору-

чик Иван Петров, убийца полковник князь Антоний Мещерский, наследник капитан Семен Северьянов и похититель государственного имущества капитан Роман Новиков. Собственно шельмование заключалось обычно в том, что палач переламывал шпагу над головой стоящего на коленях осужденного. Иногда, впрочем, в обряд шельмования включались дополнительные элементы, призванные унижить и опозорить осужденного. Поручик Иван Петров после того, как над ним переломили шпагу, был сброшен с эшафота в специально приготовленную выгребную яму, где провел около двух часов, осыпавый насмешками толпы, после чего – снова поднят на эшафот и обезглавлен.

Если смертная казнь была сама по себе страшным наказанием и судьи рещались усугубить ее публичным позором только для самых отпетых преступников, то присуждения к каторжным работам сопровождалось шельмованием во всех без исключения случаях. Писаных норм на этот счет не существовало, но в общественном сознании жило твердое убеждение, что дворянин не может оказаться на каторге. Поэтому все 33 офицера, приговоренные к каторжным работам, были шельмованы.

Г.В. Калашников,
ведущий специалист
Государственной герольдии при
Президенте Российской Федерации

¹291 наказание понесено 242 офицерами. Для офицеров, судимых несколько раз, учтены по 1 разу наказания, вынесенные при каждой судимости.

²РГВИА, Ф. 22, Оп. 1, Д. 540, л. 177.

¹РГВИА, Ф. 22, Оп. 1, Д. 294.

²Дело в том, что в скором времени в Прибалтику должен был приехать отсутствовавший там почти 4 года генерал-губернатор фельдмаршал П.П. Ласси. В его отсутствие некоторые местные должностные лица, в особенности – барон Левендаль, допустили значительные погрешности в исполнении своих обязанностей. В частности, самому Левендалю грозил обвинение в использовании труда солдат в собственных интересах и расхищении средств, отпущенных на ремонт укреплений г. Ревеля. Левендаль попытается сделать подчиненного ему капитана фон Фрунзена "козлом отпущения" и, добившись его осуждения, показать себя, как защитника государственных интересов.

³РГВИА, Ф. 22, Оп. 1, Д. 307.



Профессиональная юридическая система «Практика разрешения споров, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности», подготовленная информационно-правовым консорциумом «Кодекс», содержит материалы, отражающие различные аспекты применения законодательства об авторском праве, патентном праве, товарных знаках, знаках обслуживания, фирменных наименованиях.

В систему включены постановления и решения арбитражных судов РФ, нормативные акты, выдержки из арбитражных дел.

Контактные телефоны:
(812) 325-86-11, 325-86-59, 327-43-12
E-mail: center@kodeks.net
Internet: http://www.kodeks.net